

ПРОЩАЙ, ДОРОГАЯ МАНЮНЯ!

«Людам всегда чего-нибудь не хватает, – иногда философски думал электрик Иван Амелин. – Голодным – хлеба, богатым – денег...» Самому же Амелину, о котором говорили, что Бог специально наградил его ростом, чтобы лазить по столбам, – не хватало любви. Влюблён Иван был только раз, в собственную жену, но из-за давности почти не помнил сладких переживаний юности, поэтому хотелось новизны впечатлений, и он готов был изменить своей костлявой Манюне, особенно когда она обзывала его мямлей.

Но изменить просто так – неинтересно. Вот если бы влюбиться понастоящему, как когда-то влюбился в Манюню, которой за всю совместную жизнь ни разу не изменил, – тогда другое дело. А как влюбишься, если она всюду таскает за собой, даже отпуск проводят у тёщи. В последние годы, когда дочь привела иногороднего мужа, стали мотаться к тёще и на выходные, – благо жила она в Подмоскowie, потому что в двухкомнатной квартире с рождением внучки не вот-то разгуляешься. А у тёщи-то как хорошо: лес, озеро и до станции рукой подать.

Правда, в прошлом году всё изменилось, когда рядом с тёщей обосновалась переселенка из Латвии. Она была помоложе Манюни, поэтому та не спускала с переселенки глаз: ведь жила она одна, отправив сына в институт, а работать устроилась в поселковую парикмахерскую. Манюня, как узнала об этом, сразу заявила Ивану, чтобы его нога более не ступала в тот «гадюшник», хотя прежде муж всегда стригся в посёлке, где наполовину дешевле, чем в Москве. Он обещал не ходить, но однажды, когда приехал без жены, всё-таки зашёл, решив сэкономить на пиво.

Всё остальное случилось совершенно случайно. Едва сел в кресло к яркой блондинке, как она улыбнулась и спросила:

– Мы с вами, кажется, соседи?

Иван пожал плечами:

– К тёще иногда приезжаю на выходные...

– Вот и прекрасно. Заходите в гости! – через зеркало заглядывая в глаза, пригласила «соседка», а сама вокруг кресла туда-сюда ходит и халатом нахально трётся о плечо.

Амелин даже растерялся:

– Помощь, что ли, какая нужна?!

– Вы, я знаю, хороший электрик, а мне на веранду проводку необходимо провести... Не бесплатно, конечно.

– Надо посмотреть.

– Вот и хорошо, что согласны...

В гостях он оказался в ту же субботу; переселенка словно знала, что он приехал один, и сама вечером заявила, попросила прикинуть, что да как.

Амелин не хотел идти, а когда наперекор тёще всё-таки пошёл и оценил, то согласился:

– Работа простецкая, готовы метров пятнадцать провода, патрон, выключатель – как-нибудь сделаю.

– Спасибо, а то не знала, кого пригласить... Меня, между прочим, Люсей зовут... А вас?!

Амелин вздохнул, словно извинился за своё простое имя:

– Иваном...

– Прекрасно... Сейчас, Ванюш, чайку попьем!

– Нет-нет-нет – тёща ждёт... Всё потом Манюне доложит.

Люся рассмеялась:

– Это жена, что ли?

– Кто же ещё... Всю жизнь на коротком поводке держит. Это сегодня что-то маху дала, да и то не по своей воле: авария у них на телефонном узле. Амелин хотя и отнекивался, но уходить не спешил и незаметно оглядывал и дом, и нарядную хозяйку. И почему-то более всего смотрел на белые руки с сиреневыми ноготками, вспоминая, как она прикасалась ими, когда стригла, какими они казались мягкими и тёплыми. Люся словно чувствовала его состояние и быстро накрыла на стол, включила электрический чайник и поставила чашки... Пока чайник закипал, откуда-то появилась бутылка водки. Иван покосился на бутылку, глотнул слюну и хмыкнул:

– Это-то зачем?

– Аванс... Как уж полагается!

Амелин замялся, посмотрел на часы:

– Некогда расслаживаться... Тёща ждёт!

Люся рассмеялась:

– Тёща – не жена, перед ней отчитываться не обязательно... А за знакомство надо немного выпить.

Она попросила откупорить бутылку, а когда Иван откупорил, то ему ничего не оставалось, как разлить по хрустальным стаканчикам. Свой он выпил весь, а Люся лишь пригубила и сказала:

– Закусите... – и улыбнулась, загадочно заглянула Ивану в глаза, а он подумал: «Вот бы так Манюня смотрела!»

Амелин попробовал маринованных грибков и налил ещё, быстро выпил и, почувствовав, как водка растекается по телу, уселся поудобнее, посмотрел на хозяйку и улыбнулся, когда их взгляды встретились...

Потом он не мог вспомнить, в какой же момент они начали целоваться. Вернее, она сама целовала, а он всё бубнил и бубнил: «Тёща ждёт... Манюне доложит...» И проклинал в душе и тёщу, и жену за то, что навязались на его шею. Не будь их – ничто бы сейчас не мешало закрутить любовь с хозяйкой, которая уж так сладко целовала, уж так ластилась... Распалившись, Иван и сам начал целовать Люсю и вдыхать аромат духов, запах которых сводил с ума; захотелось навсегда прижаться к Люсиной бархатистой шее, плечам.

Он только в последний момент вспомнил, что совсем не знает эту Люсю, есть ли у неё мужчина или она каждый день с разными обжимается. А что: за день-

то через её руки о-го-го сколько мужиков пройдёт! Любого выбирай – никто не откажется от такой сдобной! Он хотя и выпил, но эта мысль сразу и вовремя отрезвила. Иван поднялся с дивана, на котором неизвестно как оказался, отряхнулся и, посмотрев за окно, где растекались сумерки и, кажется, собирался дождь, поспешно сказал:

– Мне пора!

Люся вышла проводить до калитки, и в этот момент полыхнула молния, совсем рядом треснул раскат грома, и тотчас полил дождь.

Спасаясь от дождя, они спрятались за домом и смотрели, как дождевые струи, отсвечиваясь в свете уличного фонаря, серебряным потоком лились из-за фронтона, совсем не задевая их. От ветра и дождя на улице сразу посвежело, надо бы обнять Люсю, но теперь он не решился и не знал, о чём говорить, слушая, как в саду падают яблоки.

– Опять косой дождь, – вздохнула соседка, видимо, вспомнив что-то своё, – опять мимо пройдёт.

– Да – гроза... Ветер все яблоки посбивает, – сразу уловив обидный смысл её слов и будто действительно переживая за яблоки, тоже вздохнул Иван. И от этого притворства сделалось не по себе.

Когда дождь чуть перестал, он виновато вздохнул:

– Ну, я пошёл... А проводку-то готовь, в следующий выходной протяну...

Он действительно собирался в следующий выходной прийти к Люсе, по-настоящему подготовиться и прийти, потому что очень хотелось увидаться ещё и не упустить то, что само шло в руки.

Когда вернулся в дом, скрюченная колесом тёща спросила, исподлобья подозрительно оглядев всклокоченного зятя:

– Ужинать-то будешь или уж у Люськи нахарчился?!

Иван промолчал и для вида поковырялся в тарелке. Сразу после ужина лёг спать и долго не мог заснуть, вспоминая сегодняшнее приключение. Утром пошёл копать в огороде, надеясь увидеть Люсю, но она так и не показалась. Зато тёща не отставала ни на шаг и так надоела, что сразу после обеда Иван уехал в Москву и несколько дней не находил себе места.

Вернулся с Манюней в следующий выходной, но пробыл лишь полчаса, едва жена, пошутукавшись с матерью, вывела на веранду и – в наступление:

– Говорят, дорогой, ты здесь неплохо время проводил без меня?! Ну и как – есть что вспомнить?!

– Отстань... – отмахнулся Иван. – Нашла к кому ревновать! Да если бы я захотел...

– Захотел, не захотел – это теперь не важно! Делать тебе тут больше нечего! Где-то ты мямля, а здесь, ишь, каким притким оказался!

В тот же день Манюня увезла Ивана домой, он даже не успел увидеть Люсю, не говоря уж о том, чтобы сделать ей проводку... Дорога в посёлок стала заказана, а жена никак не объяснилась, словно не желала тратить на объяснение слова. Стала ездить к матери по выходным одна, да и то не всякий раз. А Иван страдал оттого, что почти ничего не знал о Люсе, не успел поговорить по душам, а зачем-то сразу кинулся целоваться, будто никогда и не целовался.

Страдал долго – несколько месяцев.

В посёлок попал лишь через полгода, почти случайно, когда под налипшим снегом сломалась берёза у тёщиного дома, оборвала провода: хочешь не хочешь, а пришлось Манюне тащить Ивана с собой. А у того даже сердце заколотилось, когда узнал о поездке, сразу подумал: «Ну, всё, теперь прощай, дорогая Манюня!» Амелин хотя и не знал, что может произойти, но произойти обязательно что-то было должно: он выкроит двадцать, десять минут, но обязательно встретится с соседкой.

Приехав, нарочно полдня возился с проводами, и полдня жена не отходила ни на шаг, очищая снег от дома, и Амелин приуныл, поняв, что при ней Люся не покажется. Когда же они всё сделали и ушли в дом, Манюня неожиданно послала за водой к колонке. Набрал он два ведра, глядь – Люся навстречу спешит-торопится по узкой после снегопада тропинке, и тоже с ведром. Подошла поближе, и Амелин её почти не узнал, хотя прошло всего полгода. Всего-то полгода, а как же она изменилась! Лицо осунувшееся, морщинистое... Посмотрел на руки – красные, разбухшие... Одета кое-как... И сразу с Амелиным что-то случилось такое, отчего он посмотрел на соседку не с любовью, какую берёт в себе несколько долгих месяцев и какой сегодня готов был поделиться, а с равнодушной жалостью, как смотрят на постороннего больного человека. «Совсем не виделись бы – легче было!» – через силу поздоровавшись и не успев по-настоящему посмотреть в глаза, подумал Амелин с таким чувством, словно Люся обманула.

Манюня ждала на крыльце и видела, как они торопливо прошли мимо друг друга, и всё поняла, что творилось у мужа на душе, когда он, понурый, принёс воду, наполовину расплескав вёдра. Она же стояла на морозе в коротком халате с видом победителя: покрасневшая, помолодевшая и улыбающаяся, словно от свалившегося счастья.

– Иди, отдохни. Скоро обедать будем, – сказала заботливо, как давно не говорила.

Амелин сразу понял, что жена специально гоняла за водой, зная, что под её приглядом он, встретившись с соседкой, не посмеет с ней поговорить. Хотя Иван весь день злился на жену, но сейчас всё-таки невольно улыбнулся в душе от Манюниной хитрости, но из принципа не отозвался на неожиданную и приятную заботу. Гордо и молча ушёл в горницу, упал на диван и, закрыв глаза, подумал, окончательно сдаваясь: «Ну почему всё-таки людям всегда чего-нибудь не хватает: кому хлеба, кому денег, а кому-то любви?!»